

A movie poster for the film 'Scenario' (Сценарист). The central figure is a man with dark, slightly messy hair and a beard, wearing a dark, wet raincoat. He is looking off to the side with a serious expression. The background is a blurred, vibrant Japanese street scene, likely a market or festival, with many colorful lanterns and signs. The overall mood is cinematic and atmospheric.

Роза Ахмед

Сценарист

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роза Адлер
Сценарист

«Автор»

2026

Адлер Р.

Сценарист / Р. Адлер — «Автор», 2026

Рю — тридцатилетний служащий токийской фирмы по поставкам канцтоваров. Его дни заполнены скучными накладными, растворимым кофе и серым небом над бельевыми верёвками. Но стоит ему закрыть глаза, как он становится кем угодно: наёмником в пустыне, хакером в городе голограмм, детективом под северным дождём. Он — сценарист, который никогда не записывает свои сценарии, потому что они живут только у него в голове. Однако однажды грань между воображаемыми мирами и реальностью начинает плавиться. На асфальте появляются следы от зонта девушки из его первой сцены, в пустом баре звучит саксофон, которого там быть не может, а в почтовом ящике он находит конверт, адресованный персонажу, которого сам же и придумал. Рю предстоит выяснить: он создаёт миры — или они уже давно создают его? И кто на самом деле пишет сценарий его собственной жизни?

Содержание

Глава 1. Человек, который не пишет сценарии	5
Глава 2. Девушка с зонтом-шпагой	9
Глава 3. Портал в дождь	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Роза Адлер

Сценарист

Глава 1. Человек, который не пишет сценарии

Я просыпаюсь в шесть сорок пять. Никакого будильника. Не потому что у меня врождённые хронометры, а просто мой организм привык к этому времени за десять лет однообразной жизни. Тело знает, что в шесть сорок пять надо подниматься, как будто кто-то нажимает кнопку где-то в глубине позвоночника. За окном всегда один и тот же вид: две бельевые верёвки, натянутые между бетонными блоками соседнего дома, и серая кошка, которая сидит на карнизе и смотрит в никуда. Она там появляется каждый день, в одно и то же время. Мы с ней никогда не здороваемся, но я знаю, что она меня видит. Она поворачивает голову ровно настолько, чтобы зафиксировать моё присутствие, и снова утыкается взглядом в пустоту. Может быть, у неё там тоже какой-то свой сценарий.

Я встаю, натягиваю старые спортивные штаны, иду в кухню. Квартира у меня маленькая, однокомнатная, с крошечной нишей для плиты и раковины. Запах здесь всегда один — застоявшийся табак, который я бросил курить два года назад, но который, кажется, въелся в обои, и сухой воздух от кондиционера. Я включаю чайник, достаю кружку. Кружка белая, с отколотым краем, который я каждый раз ощупываю пальцем, словно проверяя, не зажила ли рана. Насыпаю две ложки растворимого кофе, заливаю кипятком. Пахнет он кисловато-горько, как воспоминание о женщине, которую я когда-то любил, но уже не помню её лица. Я помню только, что у неё были длинные волосы и она носила серебряное кольцо на большом пальце. И что она ушла в дождливый вторник. Сейчас я не уверен, было ли это на самом деле, или я просто придумал эту сцену для одного из своих миров.

Кофе остывает за три минуты. Я пью его медленно, стоя у окна, глядя на кошку. Она никогда не шевелится. Только когда ветер шевелит верёвки, она чуть поводит ухом, но туловище остаётся неподвижным, словно вырезанным из серого камня. Интересно, видит ли она то же, что и я? Или для неё верёвки — это просто линии, а бетонный карниз — весь мир? Я не знаю. Я вообще мало что знаю о кошках.

Одеваюсь в рубашку — белую, дешёвую, купленную в универмаге за тысячу двести иен. Надеваю брюки, завязываю галстук, который ненавижу всей душой, но без которого в моей конторе не пропустят в проходную. Выхожу из дома в семь тридцать. Улица пуста. Только старушка с тележкой, полной пустых бутылок, и парень на велосипеде с сонным лицом. Небо над Токио сегодня такое же, как вчера — бледно-серое, как старая простыня, которую много раз стирали. Я иду к станции метро, шаркая подошвами по асфальту. В ушах — шум города, который ещё не проснулся, но уже начинает ворчать.

На работе — в фирме «Офис-Снаб Ко., Лтд.» — я провожу восемь часов, сверяя накладные и отвечая на письма. Кабинет у нас большой, на двадцать столов, но я сижу в самом углу, у окна, из которого видно только стену соседнего здания. Мои коллеги — безликие фигуры в одинаковых костюмах. Они говорят о бейсболе и о погоде. Я киваю, когда нужно, улыбаюсь, когда нужно, но внутри я уже давно не здесь. Мой настоящий офис — это моя голова. Там есть просторные комнаты, высокие потолки, запах старой бумаги и где-то далеко играет саксофон.

Каждый день, примерно в полдень, я выхожу на обеденный перерыв. Не в столовую, а в небольшой парк через две улицы. Там есть скамейка под старым деревом сакуры, которое давно не цветёт. Я сажусь, закрываю глаза и включаю свой главный проектор. Сценарий номер один. Ночь. Северная Европа. Город, где никогда не перестаёт идти дождь. Мостовая блестит,

как полированный чёрный мрамор, в лужах отражаются старинные фонари с жёлтым светом. Я стою на углу, в длинном пальто, которое хлопает на ветру, и жду её. Девушку с короткой стрижкой и зонтом, который она держит не для защиты от дождя, а как оружие. Шпагу, только спрятанную под чёрным куполом. Когда она появляется, её шаги почти не слышны — только лёгкое шуршание воды под подошвами. Она подходит ко мне вплотную, и я чувствую запах озона и мокрого железа.

— Ты опоздал, — говорит она. У неё низкий, чуть хрипловатый голос.

— Я всегда опаздываю, — отвечаю я. — В этом городе время течёт иначе.

— Мы должны успеть до того, как мосты поднимут.

Она берёт меня за руку — её ладонь холодная, как дно колодца — и мы бежим. Подошвы наших ботинок стучат по мокрым камням. Сзади слышатся шаги преследователей. Я не знаю, кто они, и мне не интересно. Важно только это движение, этот ритм дыхания, этот ветер, который забивается под пальто. Мы взлетаем на крыши. Прыжки между зданиями — длинные, плавные, почти невесомые. Дождь превращается в косые струи, которые рассекает мой зонт — я тоже держу его, чёрный, как вороново крыло. Мы перебрасываемся короткими фразами, смысл которых ускользает, но они звучат как стихи. Она смеётся, и её смех похож на звон разбитого стекла, но это приятный звон.

В какой-то момент я просыпаюсь. То есть открываю глаза в реальном парке, под голой сакурой. Мимо проходят люди с сэндвичами, воробьи клюют крошки, и солнце пытается пробиться сквозь облака. Моя кружка с кофе остыла за пятнадцать минут. Я делаю глоток — горько и мерзко. Но внутри ещё дрожит эхо той погони, и я знаю, что вернусь туда сегодня вечером. Или завтра.

После работы я иду в супермаркет, покупаю яйца, тофу и пучок зелёного лука. Дома варю себе простой ужин — рис, суп мисо, жареный тофу. Ем в одиночестве, глядя в ноутбук, который стоит на столе. Экран тёмный. Я давно собираюсь открыть текстовый файл и начать записывать свои сценарии. Перенести их из головы на бумагу. Но пальцы не слушаются. Каждый раз, когда я подношу руки к клавиатуре, они замирают в воздухе, как птицы, не знающие, куда лететь. Может быть, я боюсь, что записанные слова потеряют свою магию, станут просто буквами, а не живыми мирами. Или боюсь, что кто-то прочтёт их и поймёт, насколько я пуст внутри без этих выдумок.

Вечером я слушаю музыку. Старую пластинку, которую нашёл в комиссионном магазине — джазовый квартет, запись конца пятидесятих. Саксофон звучит так, будто его выдыхает уставший ангел. Я сижу в кресле, выключив свет, и смотрю на огни за окном. Город переливается красным, синим, белым. Там, в той далёкой неоновой дымке, живут миллионы людей, каждый со своей историей. А у меня есть только одна история, которую я никогда не расскажу. Но это странным образом меня успокаивает.

Где-то около одиннадцати я встаю, иду на кухню налить воды и замечаю, что на подоконнике нет кошки. Это первое нарушение за многие месяцы. Кошка всегда сидит там до полуночи, я проверял специально. Но сегодня карниз пуст. Только мокрое пятно на бетоне, будто кто-то пролил воду. Я смотрю на небо — оно чистое, ни облачка. Дождя не было уже четыре дня.

Мне становится неудобно. Не потому, что я суеверный, а потому что мир вокруг начинает чуть заметно трещать по швам, как старая стена под напором грунтовых вод. Я возвращаюсь в комнату, сажусь за ноутбук и наконец открываю текстовый редактор. Курсор мигает на белом листе, приглашая к действию. Я печатаю одно предложение: «Ночь. Северная Европа. Город, где всегда идёт дождь.» И останавливаюсь. Больше ничего не приходит. Слова выглядят бледными и пустыми, как та кружка с остывшим кофе.

Я выключаю компьютер, ложусь на кровать. Потолок в моей комнате имеет странное пятно в форме Австралии — я давно заметил, но никогда не придавал этому значения. Сегодня

я смотрю на это пятно и думаю: а что, если моя жизнь — это просто одна большая сцена, которую кто-то пишет за меня? И этот кто-то — ленивый сценарист, который застрял в первом акте и никак не может придумать поворот? Тогда моя задача — украсть у него перо и написать всё самому.

Но эти мысли, как обычно, ускользают, растворяются в шуме кондиционера. Я закрываю глаза и проваливаюсь в сон. И во сне я снова бегу по мокрым крышам, но теперь девушка с зонтом оборачивается и смотрит на меня. В её глазах я вижу не отражение фонарей, а что-то другое. Словно она смотрит на меня не как на персонажа, а как на настоящего человека. И говорит:

— Ты ведь тоже умеешь это делать? Менять реальность.

Я просыпаюсь с криком. Слышу, как гулко бьётся сердце. Часы показывают три пятнадцать. За окном — ни луны, ни звёзд. Только мутная дымка. И снова, на карнизе, сидит серая кошка. Она смотрит прямо на меня, и мне кажется, что она улыбается. Я подхожу к окну. На асфальте внизу, под моим окном, отчётливо виднеется влажный след — чёткий отпечаток круглого наконечника зонта. Как будто кто-то стоял там и смотрел на меня.

Я одеваюсь, спускаюсь вниз. Двор пуст. След от зонта ещё свежий, но дождя нет. Я опускаюсь на корточки, провожу пальцем по бетону. Вода холодная, почти ледяная. И пахнет озоном, как в той сцене. Прямо как в моём сценарии.

Я поднимаю голову и вижу в дальнем конце улицы, под фонарём, тонкую фигуру. Женщина. Короткая стрижка. В руке — чёрный зонт, который она держит, как шпагу, опущенную остриём вниз. Она не двигается, не оборачивается. Стоит неподвижно, как та кошка на карнизе.

Город молчит. Даже кондиционеры не гудят. Только где-то далеко, словно из открытого окна, доносится приглушённый звук саксофона. И я понимаю, что моя жизнь больше не принадлежит мне. Теперь она — часть сценария. И вопрос только в том, кто его пишет: я или она.

Я делаю шаг в её сторону. Она поворачивает голову ровно настолько, чтобы я увидел блеск её глаз. И исчезает. Просто растворяется в воздухе, как выдох. На месте, где она стояла, остаётся только маленькая лужица, которая быстро впитывается в асфальт.

Я стою под фонарём, слушая, как тишина наполняется звуками моего собственного дыхания. Где-то внутри, на задворках сознания, щёлкает кинопроектор, и новая сцена начинается сама собой. Я чувствую, что это только начало. Но того, что будет потом, я пока не знаю. И, кажется, боюсь узнать.

Я возвращаюсь в квартиру, закрываю дверь на два замка. Кошка на карнизе исчезла. На столе остывший ноутбук, а на экране — мигающий курсор. Я сажусь и, сам того не желая, начинаю печатать:

«Она пришла за мной. Не за персонажем, а за мной. Она знает, что я существую. Теперь мне нужно узнать, что она хочет. И что будет, когда я напишу финал.»

Пальцы летают по клавишам. Слова текут, как вода. Я пишу быстро, почти без остановки, и впервые за многие годы мне кажется, что я действительно создаю что-то настоящее. За окном начинает моросить дождь — мелкий, противный, но я слышу, как капли стучат по жестяному карнизу. И в этом стуке — ритм, похожий на джазовую импровизацию.

Я не знаю, что я напишу завтра. Может быть, это будет история о любви. Может быть, о предательстве. Или о том, как найти дверь между мирами. Но я знаю одно: я больше не хочу быть просто зрителем. Я хочу быть тем, кто держит перо.

Даже если это перо сломается.

Я закрываю ноутбук, но не выключаю. Оставляю его работать в фоновом режиме, как оставляют включённым радио, чтобы не чувствовать одиночества. Ложусь на кровать, смотрю на потолок. Пятно в форме Австралии теперь кажется мне материком, где живут все мои персонажи. Они там, на той карте, и я — их единственный связной с этим миром.

Снаружи дождь усиливается. Я слышу, как вода барабанит по крыше. И в этом шуме мне слышится шёпот: «Пиши. Продолжай. Не останавливайся.» Я закрываю глаза и позволяю себе утонуть в этом звуке, как в тёплом море.

Завтра я увижу её снова. Я знаю. Потому что она теперь часть моего сценария, а я — часть её. Мы связаны, как две страницы одной книги, которые никогда не встретятся, но без которых книга рассыплется.

Я засыпаю под аккомпанемент дождя. И мне снится, что я стою на крыше, а рядом стоит она — с зонтом, со шпагой, с холодными глазами. Она протягивает мне руку и говорит:

— Пора. Идём.

Я беру её за руку, и мы прыгаем в пустоту. Но вместо падения — полёт. Мы летим над городом, который не имеет названия, и я знаю, что это мой город. Мой собственный, созданный из снов и кофе, из остывших кружек и затихших саксофонов.

Это был только первый кадр.

Глава 2. Девушка с зонтом-шпагой

Я проснулся от того, что кто-то стучал в дверь. Три коротких удара, пауза, ещё три. Так стучат только почтальоны или люди, которые не хотят будить соседей. Я сел на кровати, чувствуя, как всё тело ломит после вчерашнего полуночного блуждания. Часы показывали семь ноль две. Я проспал свой привычный подъём на целых семнадцать минут. За окном было серо и влажно, но дождя вроде не было. Кошка на карнизе сидела на месте, но смотрела не в пустоту, а прямо на мою дверь, как будто знала, кто там стоит.

Я натянул штаны, пошёл открывать. За дверью никого не было. Только на коврике лежал конверт — белый, без марки, без обратного адреса. Я поднял его, взвесил на ладони. Лёгкий, как пустая раковина. Внутри что-то шуршало, но не бумага, а скорее сухие листья. Я вскрыл его прямо в коридоре. Там лежала фотография. Полароид, выцветший по краям. На снимке — я. Но не такой, каким я выгляжу сейчас. На фото мне лет двадцать, я стою на фоне того самого северного города с мокрой мостовой, в длинном пальто, которое хлопает на ветру. Моя рука сжимает чёрный зонт, а рядом, чуть позади, стоит она. Девушка с короткой стрижкой. Она смотрит в камеру, и её глаза — тёмные, глубокие, как колодцы — смотрят не на фотографа, а прямо на меня, через время, через слои реальности.

Я перевернул снимок. На обороте было написано шариковой ручкой: «Ты не забыл? Встречаемся сегодня в полдень. Там же.» И адрес. Я не узнал этот адрес, но почему-то он показался мне знакомым, как мелодия, которую слышал в детстве, но не помнишь, где именно.

Я положил фотографию в карман рубашки, заварил кофе, выпил его стоя, глядя на кошку. Она моргнула — один раз, медленно, будто подтверждая, что всё правильно. Я надел костюм, вышел из дома. В метро было душно. Вагон качался, и люди вокруг казались мне манекенами — у них были одинаковые лица, одинаковые позы, они держались за поручни, как за якоря спасения. Я смотрел на них и думал: а есть ли у них свои внутренние миры? Или они просто живут в одном, единственном, и им этого хватает? Я не знал. Возможно, я завидовал им.

На работе всё было как всегда. Светло-серые столы, гул кондиционеров, запах перегретой электроники. Я сел на своё место, включил компьютер, открыл электронную почту. Среди десятка служебных писем было одно, отправитель — «неизвестный». Тема: «Сценарий». Я открыл его. Там был текст: «Ты написал это вчера ночью. Прочитай. Это важно.» И вложение — файл с именем «начало.doc». Я скачал его, открыл. Там был тот самый текст, который я печатал вчера, когда вернулся после встречи с девушкой. Всё слово в слово. Я помнил каждое предложение. Но я не помнил, чтобы отправлял его кому-то. Я проверил папку «Отправленные» — пусто. Проверил черновики — пусто. Файл появился сам собой. Или кто-то залез в мой ноутбук, пока я спал.

Я закрыл письмо, выдохнул. Надо было сосредоточиться на работе. Накладные, счета, заявки. Руки двигались сами, переставляя цифры с одной графы в другую, но мысли крутились вокруг фотографии и адреса. В полдень я должен быть там. Но где это — «там же»? На снимке не было ориентиров, только мокрая мостовая и старинный фонарь. Я достал телефон, вбил адрес в навигатор. Оказалось, это район старого города, недалеко от парка, где я обычно обедал. Там был маленький переулок с кофейней, которую я никогда не замечал.

Ровно в двенадцать я вышел из офиса, стараясь не привлекать внимания. Небо затянуло тучами, но дождя не было. Я дошёл до переулочка — узкого, вымощенного булыжником, с двумя рядами старых зданий. Кофейня называлась «Le Parapluie» — «Зонт» по-французски. Витрина была затемнена, но я разглядел внутри силуэты столиков и мягкий жёлтый свет. Толкнул дверь — звякнул колокольчик.

Внутри пахло кофе, ванилью и чем-то ещё, неуловимым — возможно, озоном. За стойкой стоял бармен, худой мужчина лет пятидесяти с седыми висками. Он кивнул мне, как старому знакомому, и указал на столик у окна. Там уже сидела она. Девушка с короткой стрижкой. На столе перед ней стояла чашка с эспрессо, а рядом, прислонённый к стулу, лежал чёрный зонт. Она подняла глаза, когда я подошёл, и её взгляд был тёплым, но совершенно пустым — как у человека, который видит тебя впервые.

— Привет, — сказал я, садясь напротив. — Ты ждала меня?

Она слегка наклонила голову, изучая моё лицо с вежливым любопытством.

— Простите, мы знакомы? — спросила она. Голос был тот же — низкий, чуть хриловатый, но в нём не было узнавания. Только вежливое удивление.

Я замер. В груди что-то сжалось, как пружина.

— Мы... мы встречались вчера ночью, — сказал я. — Во дворе моего дома. Ты стояла под фонарём с зонтом. Ты смотрела на меня.

Она моргнула, и её брови чуть приподнялись.

— Я не выходила из дома вчера. Я вообще редко выхожу по ночам. Вы, наверное, меня с кем-то спутали.

— Нет, — сказал я твёрже, чем намеревался. — Я узнаю тебя. Я видел тебя раньше. Во сне. В своих сценариях.

Она помолчала, потом улыбнулась — той мягкой, снисходительной улыбкой, которой одаривают сумасшедших или поэтов.

— Вы сценарист? — спросила она.

— Я... да. Вроде того.

— И что же я делаю в ваших сценариях?

Я хотел сказать про северный город, про дождь, про погоню на крышах, про то, как мы бежали, взявшись за руки. Но слова застряли в горле. Она смотрела на меня с лёгким интересом, но в её глазах не было искры, не было той глубины, которую я видел во сне и вчера на улице. Это была просто незнакомая девушка, которая пьёт эспрессо в кофейне с французским названием.

— Ты держишь зонт, — сказал я, указав на чёрный купол у её ног. — Всегда держишь.

— Это мой талисман, — пожала она плечами. — Достался от бабушки. Я ношу его везде, даже в солнечную погоду. Глупо, наверное.

— Нет, — ответил я. — Не глупо.

Я вытащил из кармана фотографию, положил на стол перед ней. Она взяла снимок, посмотрела внимательно, потом подняла глаза на меня.

— Это вы? — спросила она. — Молодой. И я? Выглядит как старая фотография. Но я никогда не была в таком месте. И у меня нет такого пальто. И вообще, я не люблю дождь.

— Но на снимке — ты, — настаивал я. — Или кто-то, кто выглядит точно как ты.

Она вернула мне фотографию, покачала головой.

— Не знаю. Я ничего не помню. Может быть, у меня есть двойник? Или вы просто хотите познакомиться и придумали красивую историю. Это нормально, — она улыбнулась, но уже с ноткой сочувствия. — Меня зовут Акико. Я работаю в библиотеке через дорогу. Если хотите, можем как-нибудь выпить кофе, но без загадочных сценариев. Хорошо?

Я кивнул, пряча разочарование. Она не знала меня. Она не помнила ничего из того, что я так отчётливо видел. Может быть, она действительно просто похожа, а моя фантазия дорисовала остальное. Или же её память стёрли, как плёнку, на которую записали другую историю. Я взял фотографию, убрал в карман.

— Извините, — сказал я. — Наверное, я ошибся. Просто очень похожи.

— Бывает, — она допила эспрессо, поднялась, взяла зонт. — Рада была познакомиться. Заходите в библиотеку, если будете рядом. У нас есть хорошая секция по кино и драматургии. Может, пригодится для ваших сценариев.

Она вышла, звякнул колокольчик. Я остался сидеть за столиком, глядя на остывающую чашку, которую принесла мне молодая официантка. Кофе был горьким, как всегда. За окном пошёл мелкий дождь. Капли стекали по стеклу, и в их струйках я видел отражение той, другой Акико — той, что бежала со мной по мокрым крышам и смеялась, как разбитое стекло.

Я вышел из кофейни, чувствуя, как дождь остужает лицо. Переулок был пуст. Только в конце его, у выхода на главную улицу, стояла фигура в длинном пальто. Мужчина. Он держал чёрный зонт, но не открывал его, позволяя дождю мочить плечи. Он смотрел на меня. Я узнал это пальто — оно было точно таким же, как в моём первом сценарии. Я узнал шрам на левой брови, который я сам придумал своему герою. Это был я. Но не тот, что сейчас, а тот, из фильма.

Он медленно поднял руку и помахал мне. Жест был ленивым, почти дружеским. Потом он развернулся и исчез за углом.

Я бросился за ним, но когда выбежал на улицу, там никого не было. Только мокрый тротуар и пара прохожих с зонтами. Я стоял под дождём, чувствуя, как вода просачивается сквозь пиджак, и думал: что происходит? Мои сценарии оживают, герои приходят в реальность, но они не узнают меня. Или же это я не узнаю себя? Где грань?

Я вернулся на работу, мокрый, пропустил обед. Коллеги косились, но никто ничего не сказал. Я сидел за столом, глядя на экран, где мигал курсор в том самом файле «начало.doc». Я открыл его, пролистал до конца. Там, после последней строки, которую я помнил, было добавлено ещё несколько абзацев. Я их не писал. Там было:

«Он нашёл её, но она не помнила. Это был первый тест. Теперь он знает, что мир не терпит прямых копий. Если персонаж выходит в реальность, он теряет память. Но она найдёт его снова, когда начнётся второй акт. Ей нужно только напомнить. Может быть, через музыку. Или через сон. Он должен сыграть свою роль. Иначе история не продолжится.»

Я перечитал это несколько раз. Пульс стучал в висках. Кто-то писал это от моего имени. Или я писал это во сне. Я не знал. Я сохранил файл, закрыл ноутбук и пошёл в туалет, чтобы умыться холодной водой. В зеркале я увидел своё лицо — бледное, с тёмными кругами под глазами. Но что-то было не так. Моя левая бровь, которой не было шрама, теперь украшала тонкая белая линия. Я провёл пальцем — кожа была гладкой, но след оставался. Я потёр его — не стирался. Шрам появился. Как в сценарии.

Я вышел из туалета, сел на своё место, притворился, что работаю. В голове был гул, как от старого радиоприёмника, который не может поймать волну. Я знал, что вечером, когда вернусь домой, я открою ноутбук и продолжу писать. Или не я. Кто-то другой, живущий внутри меня, возьмёт управление. Но я должен был узнать, что будет дальше. Потому что, если я остановлюсь, мир вокруг может рассыпаться. Или, что хуже, я перестану существовать вовсе, превратившись в персонажа, которого забыли дописать.

Я достал телефон, нашёл номер библиотеки, которую упомянула Акико. Набрал. Трубку сняли после второго гудка.

— Библиотека района Сибуйа, слушаю.

— Мне нужна Акико, — сказал я.

— Акико? — голос был женский, удивлённый. — У нас нет сотрудницы с таким именем. Вы уверены, что это наша библиотека?

— Да, она сказала, что работает через дорогу от кофейни «Le Parapluie».

— О, вы, наверное, имеете в виду Акико из «Зонта»? Она барменша, а не библиотекарь. Она работает там уже три года. Но её зовут не Акико. Её зовут Юки. И у неё нет короткой стрижки, она носит длинные волосы. Вы что-то путаете.

Я поблагодарил, положил трубку. Сердце стучало ровно, но внутри что-то покачивалось, как маятник. Девушка с зонтом назвалась чужим именем. Или она просто солгала. Или она действительно не помнила себя. В любом случае, она была не той, кем себя назвала. Она была той, кого я создал.

Я посмотрел в окно. Дождь перестал. Сквозь тучи пробивался слабый солнечный свет, падающий на стены соседнего здания. Я вспомнил, как в моём сценарии говорилось: «Она найдёт его снова, когда начнётся второй акт.» Второй акт. Это было только начало.

Я решил, что сегодня вечером пойду в «Le Parapluie» снова. И скажу ей правду. Скажу, что она — героиня моего сна, моя муза, моя тень. Даже если она рассмеётся мне в лицо. Даже если вызовет полицию. Я должен был попытаться.

Остаток рабочего дня я просидел, глядя на клавиатуру, но не прикасаясь к ней. Пальцы зудели, но я сдерживал их. Я хотел, чтобы вечер наступил быстрее, чтобы я снова увидел её глаза — те самые, что смотрели на меня с фотографии и из снов. И чтобы я наконец понял, кто мы друг другу: создатель и творение, или два человека, потерявшихся в одном лабиринте без выхода.

В шесть часов я вышел из офиса, не попрощавшись ни с кем. Небо было чистым, как стекло. Я шёл по вечерним улицам Токио, сжимая в кармане ту самую фотографию. За спиной, где-то в переулке, мне почудился звук шагов — ритмичный, как джазовый барабанщик. Я обернулся. Никого.

Только серая кошка сидела на мусорном баке и смотрела на меня жёлтыми глазами. Она моргнула — медленно, значительно. И я понял, что она всегда была рядом. Во всех моих мирах. Она была связующей нитью. Проводником.

Я пошёл дальше, чувствуя её взгляд на своей спине. И знал, что скоро всё изменится. Окончательно и бесповоротно.

Глава 3. Портал в дождь

Вечер опустился на Токио, как тяжёлая шёлковая ткань — мягко, но неумолимо. Я вышел из офиса в половине седьмого, когда небо уже начало темнеть, окрашиваясь в оттенки фиолетового и индиго. Воздух после дождя был чистым и прохладным, с лёгким привкусом озона, который я теперь ассоциировал только с ней. Я шёл по улицам, не глядя по сторонам, хотя обычно люблю рассматривать витрины и лица прохожих. Сегодня мне было не до них. В кармане лежала фотография, и я то и дело касался её пальцами, проверяя, не исчезла ли она.

По дороге я купил в круглосуточном магазине бутылку воды и маленький рисовый угольник с начинкой из тунца. Есть не хотелось, но организм требовал чего-то, и я жевал безвкусную еду, глядя на то, как зажигаются огни в окнах домов. В каждом окне — своя история, свой сценарий. Кто-то ужинает с семьёй, кто-то смотрит телевизор, кто-то ссорится или любит. А я иду на встречу с девушкой, которая, возможно, существует только в моей голове, но при этом оставила след на асфальте.

Я завернул в тот самый переулок. Он казался ещё уже, чем днём, и фонари над булыжной мостовой отбрасывали длинные тени. Кофейня «Le Parapluie» светилась жёлтым тёплым светом, но изнутри не доносилось ни звука. Я подошёл к двери, толкнул её — она была не заперта. Колокольчик звякнул, но как-то приглушённо, словно его обмотали тканью.

Внутри было пусто. Ни одного посетителя. За стойкой сидел тот самый бармен с седыми висками и протирал бокал. Он поднял голову, когда я вошёл, и его глаза встретились с моими. В них не было удивления, только спокойное знание.

— Вы пришли, — сказал он. Голос у него был низкий, с лёгкой хрипотцой, как у человека, который много говорит или много курил в молодости.

— Я ищу девушку, — ответил я. — Короткая стрижка, чёрный зонт. Она была здесь днём. Бармен отставил бокал и медленно покачал головой.

— Её нет. Но она оставила для вас кое-что.

Он полез под стойку и достал ключ — старый, массивный, с круглой головкой, похожий на ключ от амбарного замка. Положил его на деревянную поверхность передо мной.

— В конце зала есть дверь. За ней — коридор. В конце коридора — ещё одна дверь. Откроете этим ключом. Она ждёт вас там.

Я взял ключ. Металл был холодным и тяжёлым, на удивление тяжёлым для такого маленького предмета. Я посмотрел на бармена, пытаюсь найти в его лице намёк на шутку, но он был серьёзен, как старый самурай на гравюре.

— Что за дверь? — спросил я.

— Дверь, которая ведёт туда, куда вы хотите попасть, — ответил он. — Но предупреждаю: как только вы войдёте, обратный путь может оказаться не таким простым. Это не шутка и не сон. Это ваш сценарий. Живой.

Я хотел спросить ещё что-то, но бармен уже отвернулся и начал мыть другую посуду, давая понять, что разговор окончен. Я сжал ключ в ладони и пошёл в конец зала. Там действительно была дверь — неприметная, деревянная, выкрашенная в тёмно-коричневый цвет, почти сливающаяся со стеной. Я вставил ключ в замочную скважину. Он вошёл идеально, как будто был сделан именно для этого замка. Повернул — щелчок был тихим, но отчётливым.

Дверь открылась внутрь, и я увидел длинный тёмный коридор. Пахло сыростью и старым деревом. Сделал шаг, потом ещё. Дверь за мной закрылась сама собой, и я оказался в полной темноте. Только шум собственного дыхания и стук сердца. Я вытянул руку, нащупал стену — она была влажной и шершавой, как камень. Пошёл вперёд, считая шаги. Двадцать три шага — и впереди показался слабый свет. Ещё одна дверь. На этот раз высокая, с коваными петлями,

как в старых замках. Я приставил ключ к скважине, повернул. Дверь распахнулась, и меня окатило холодным влажным ветром.

Я стоял на пороге ночного города. Того самого. Северного. Из моего сценария.

Мостовая блестела под дождём, как чёрный сапфир. Вокруг горели старинные фонари с жёлтым газовым светом, отбрасывая дрожащие круги на мокрые камни. Вода стекала по водосточным трубам, и её мелодичный стук смешивался с дальним гулом, похожим на шум прибоя. Воздух был холодным и влажным, пахло озоном, железом и мокрой шерстью. Я сделал шаг вперёд, и подошва моего ботинка коснулась булыжника. Это было реально. Я чувствовал холод, пробирающий до костей, я видел пар своего дыхания, я слышал, как капли дождя барабанят по моему пиджаку.

Я обернулся — дверь за мной исчезла. Вместо неё была сплошная каменная стена, увитая плющом. Возврата не было. Или я должен был найти другой путь.

Я пошёл по улице, вглядываясь в тени между фонарями. Где-то вдалеке играла музыка — саксофон, тот самый, который я слышал в своей голове по ночам. Мелодия была печальной, медленной, с длинными нотами, которые зависали в воздухе, как дым. Я пошёл на звук. Ноги сами несли меня по извилистым переулкам, через мосты, где под ними плескалась тёмная вода. Город был пустым, но не мёртвым — я чувствовал чьё-то присутствие за каждым углом, чьи-то взгляды из тёмных окон.

Наконец я вышел на площадь. В центре стоял старый фонтан с бронзовой фигурой морского коня, из пасти которого струилась вода. Рядом, на скамье, сидела она. Девушка с короткой стрижкой. Чёрный зонт был раскрыт и стоял рядом, как третий собеседник. Она подняла голову, когда я приблизился, и в её глазах я увидел то самое выражение — тёплое, глубокое, узнающее.

— Ты пришёл, — сказала она. Голос был тем же — низким, чуть хриловатым, но теперь в нём звучала уверенность.

— Ты ждала меня, — ответил я, садясь рядом с ней на скамью, не обращая внимания на то, что она мокрая.

— Я всегда жду тебя, — сказала она. — Даже когда не помню. Даже когда называю себя другим именем. Это как сон, который снится каждую ночь, но просыпаясь, ты забываешь его. Только тело помнит.

— Юки, — сказал я. — Тебя зовут Юки?

Она улыбнулась — той же улыбкой, что и в кофейне, но теперь в ней не было снисходительности. Только лёгкая грусть.

— Юки — это имя, которое мне дали здесь. В этом мире. А там, в твоём, я — Акико. Или никто. Но я всё равно та, кого ты создал. Я чувствую это, когда ты пишешь. Каждый раз, когда ты открываешь ноутбук и начинаешь печатать, я просыпаюсь. Я слышу твой голос у себя в голове. Ты говоришь: «Беги», и я бегу. Ты говоришь: «Стоять», и я замираю.

— Я не контролирую тебя, — сказал я. — Я только пишу то, что вижу во сне.

— Может быть, — она взяла меня за руку. Её ладонь была холодной, как тогда, во сне. — Но ты мой создатель. А я — твоё творение. И мы связаны, даже когда я не помню этого.

Дождь усилился. Капли падали на нас, но зонт стоял в стороне, и мы не пытались укрыться. Вода стекала по моему лицу, смешиваясь с чем-то тёплым, что я не мог определить — может быть, это были слёзы, а может, просто дождь. Она посмотрела на меня с серьёзным выражением.

— Здесь есть опасность, — сказала она. — Этот мир не пустой. В нём есть стражи. Они следят за тем, чтобы сценарий не менялся сам собой. Им не нравится, когда персонажи выходят за рамки. Мы уже нарушили правила, встретившись здесь. Они могут прийти.

— Стражи? — переспросил я.

— Да. Те самые, от которых мы убегали в твоём первом сне. Они не люди. Они — воплощение сценария. Они хотят, чтобы всё шло по плану. А план был написан тобой. Но ты не дописал его. Поэтому они сбиты с толку. Они боятся, что история никогда не закончится.

Где-то вдалеке раздался гулкий удар — словно захлопнулась тяжёлая дверь. Юки вскочила, схватила зонт и протянула мне руку.

— Идём. У нас есть время, но не много. Надо добраться до Центральной башни. Там есть выход из этого мира. Если мы успеем, ты сможешь вернуться и дописать финал. И тогда всё встанет на свои места.

Мы побежали. И снова — как в том сне — прыжки через лужи, стремительные повороты, и я чувствовал, как моё сердце бьётся в такт с её шагами. Мы взлетели на крыши, перепрыгивая с одного здания на другое, и ветер хлестал нас мокрыми полотнищами. Сзади, где-то внизу, я слышал топот — чёткий, ритмичный, как барабанная дробь. Стражи. Я не оборачивался, но краем глаза видел тени, которые двигались быстрее нас, словно скользя по воздуху.

— Быстрее! — крикнула она. — Они почти настигают!

Мы перемахнули через широкую пропасть между двумя башнями, и я почувствовал, как подошва скользит по мокрой черепице. На мгновение я потерял равновесие, но Юки схватила меня за запястье и рванула вверх. Её рука была сильной, удивительно сильной для такой хрупкой фигуры. Мы влетели на площадку перед высокой готической башней, чей шпиль уходил в чёрное небо, пронизанное дождём.

— Здесь, — она остановилась, тяжело дыша. — Вход внутри.

Мы вошли в башню через низкую арку. Внутри было сухо и пахло старым деревом и воском. Круглая лестница уходила вверх, и мы начали подниматься по ступеням. Гул за спиной стих — стражи не вошли внутрь. Может быть, у них были свои ограничения.

На самом верху, под самым шпилем, была маленькая комната с единственным окном, выходившим на бесконечный дождевой город. В центре комнаты стоял старый письменный стол, а на нём — открытый ноутбук. Тот же самый, что и у меня дома. Я подошёл ближе. На экране горел текст — мой текст, «начало.doc». Курсор мигал в конце строки, приглашая писать дальше.

— Это твой выход, — сказала Юки. — Ты сядешь и напишешь последнюю сцену. Ту, которая закончит этот мир. Но если ты напишешь её, я исчезну. Потому что в финале меня нет. Ты меня не придумал там. Я умру, как только ты поставишь точку.

Она смотрела на меня с той же холодной печалью, и я понял, что она знала это с самого начала. Я создал её, но не дал ей будущего.

— Я не могу, — сказал я. — Я не хочу, чтобы ты исчезала.

— Тогда ты останешься здесь, — сказала она. — Навсегда. И твой мир — тот, с кошкой и остывшим кофе — перестанет существовать. Вместо него будет только этот дождь. Всегда.

Я смотрел на ноутбук, на мигающий курсор, на её лицо, мокрое от дождя, но спокойное. Я чувствовал, как внутри меня борются два желания: остаться в этом мире, где она реальна, или вернуться в свой, где я хотя бы знаю, кто я. Но что такое «знать»? Я и там не знал.

Я закрыл ноутбук. Звук захлопывающейся крышки эхом разнёсся по комнате.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.